ГОСУДАРСТВО
РЕЛИГИЯ
ЦЕРКОВЬ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В мае 2014 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) прошла международная конференция «Многообразие российской современности: религия, государство и возможность плюрализма в российском контексте». В качестве ключевого докладчика выступил американский историк Пол Верт с темой «Религиозная свобода как маркер современности: вера, индифферентность и конфессиональные институты в Российской империи».

Работы П. Верта, посвященные истории религиозной свободы в царской России, широко известны не только в зарубежной, но и в отечественной науке — в особенности после выхода на русском языке сборника его статей (*Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012). В 2014 году в издательстве *Oxford University Press* вышла новая книга Пола — *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia* («Иностранные исповедания царя: терпимость и судьба религиозной свободы в имперской России»).

После своего выступления на конференции П. Верт согласился рассказать о современном положении *Russian studies* в Америке, своей интеллектуальной биографии и перспективах исследования религиозной свободы в России.

Пол Верт:

«Настало время написать обобщающую работу по истории религии в России...»

Paul Werth

«It's time to write a comprehensive history of religion in Russia...»

Paul Werth — Professor, Department of History, University of Nevada, Las Vegas (USA). werthp@unlv.nevada.edu

In his interview, the American historian Paul Werth tells about contemporary state of Russian studies in the USA, his intellectual biography and the prospects of the studies of the Russian religious history. Nowadays in America Russian studies and other country specific researches face some problems. Nevertheless, the conferences are hold and the articles published even in the regions, which are distant from the main scientific centers. Paul Werth makes an overview of sources helping to reconstruct the dynamic of religious freedom in Tsarist Russia. The historian analyzes interaction of religious institutes of Russian Empire and its administrative structure, national movements, and ideological climate. Werth demonstrates that in the imperial Russia infringement of religious freedom was an effect of relationship between religious institutions and political, administrative and social structure of Empire, but not the result of a particular worldview. The research of the Russian imperial experience helps to draw the more general conclusion in the religious studies and social theory. For example, the level of religious freedom is negatively correlated to the use of religion in the secular public life.

Keywords: religion in Russian Empire, Russian studies in USA, religious freedom.

Не могли бы Вы рассказать о том, насколько развиты Russian studies в Америке? Насколько американцы проявляют интерес к изучению России?

Я бы сказал, что в целом ситуация неплохая, поскольку у нас было достаточно много разных институтов и фондов, существовавших в связи с холодной войной. Думаю, что многое, хотя и не все, удалось сохранить. С другой стороны, все-таки есть проблемы с финансированием: уменьшают количество средств на то, что называется *Area studies*, и это касается, разумеется, и изучения России.

В нашем университете[1] нет профильного центра. Сам я окончил Мичиганский университет, который находится еще в худшем положении относительно бюджетной ситуации. Но я бы не сказал, что это отражает отсутствие интереса к России. Скорее причина в ломаной американской политике, которая не позволяет поддерживать изучение других стран на нужном уровне. Так что ситуация не идеальная, но и не страшная.

Возможно, положение дел изменится в связи с последними событиями. Уже подчеркивалось в феврале, в самый горячий момент событий в Киеве, что в Америке очень мало политологов, изучающих Россию. В основном это люди старого поколения, которые получили свои места еще при существовании Советского Союза.

Как лично Вы пришли к российской тематике, и что подтолкнуло Вас к изучению именно дореволюционного периода, а не истории СССР?

Это — довольно интересный путь. Когда я поступил в университет, мне было 18 лет, и я тогда не знал русского. Мой друг сказал, что будет изучать русский язык, и я подумал: «А может, я тоже так сделаю?» Начал изучать — и язык очень понравился, так что я решил продолжить. В то же время у меня всегда был интерес к истории. И когда появилась возможность поступить в аспирантуру, было вполне естественно совместить историю и русский язык.

Дело началось с того, что необходимо было найти тему для диссертации, и я хотел написать про провинциальную жизнь в каком-нибудь русском городе. Я просмотрел разные города: кое-что уже было написано про Саратов, но я выбрал Казань. Потом я узнал, что там проживало очень много национальностей (я об этом вообще не знал!), что Казань была центром миссионер-

1. Университет Невада, Лас-Вегас.

ской культуры, и я понял, что нашел интересную тему. О миссии в многонациональной российской провинции я ничего не знал, да и никто, пожалуй, этим не занимался. Но оказалось, что почти одновременно со мной и другие исследователи заинтересовались сходной тематикой и пришли к тем же самым выводам.

Когда я закончил свою первую книгу, посвященную миссионерской деятельности в Волжском регионе, у меня появился целый ряд новых вопросов, возникших в процессе работы. Ведь события в районе, который я рассматривал, зависели от ситуации в других частях империи. Если так было в Волжском регионе, то как было в Закавказье? Этот и похожие вопросы оставались открытыми. И я решил расширить свой кругозор, чтобы рассмотреть Российскую империю целиком. Этим я и занимаюсь уже в течение 12 лет.

Можно сказать, что Вы начинали как историк повседневности, в русле французской школы «Анналов»?

Может быть... Пожалуй, да. Но я не могу сказать, что очень далеко продвинулся на этом пути, потому что я относительно быстро выяснил, что Казань — очень интересное место с другой точки зрения. И я пошел в другом направлении.

В Ваших работах Вы ссылаетесь на архивные материалы и газеты той эпохи. Не возникали ли какие-либо институциональные проблемы, связанные с ограничением доступа к этим материалам? Может быть, со стороны России есть препятствия к изучению ее истории?

Нет, я бы сказал, что все было относительно просто. Возникали проблемы другого рода — например, переезд исторического архива в Петербурге. Разумеется, он был закрыт, но он был закрыт для всех. Одно время было слишком мало рабочих мест, но это, естественно, нельзя поставить в вину самому архиву. К сожалению, во многих русских архивах запрещено фотографировать. Это немножко раздражает.

Я работал во всех трех балтийских странах, и, например, в Вильнюсе и в Тарту фотографировать было можно. Хотя везде по-разному. В Риге фотографировать было не то чтобы нельзя,

но очень дорого: по-моему, платить приходилось за каждую фотографию. Это очень странно. Режимы разные, но я не могу жаловаться на условия. У меня все было более или менее нормально, тихо, спокойно. Мне помогали.

Легко ли найти конкретный источник по конкретной теме? Не сталкивались ли Вы с тем, что нужный Вам источник был утерян, например, в связи с пожаром или специально уничтожен? Легко ли проводить подобное исследование, если здесь вообще уместно слово «легко»?

Должен сказать, что такие моменты всегда есть. Например, в архиве МВД в Петербурге был большой пожар в 1862 году. Даже не знаю, много ли это или мало, но кое-что потеряно. Это видно. С такой проблемой я столкнулся, когда изучал статистику перехода из одной религии в другую. При работе с архивом складывается впечатление, что до этого момента, до 1862 года, таких случаев в империи вообще не было! Но полагаю, что это — лишь следствие утери документов.

Конечно, бывают моменты, когда не знаешь, как найти ответ на тот или иной вопрос, — и иногда не находишь, случается и такое. Но, с другой стороны, в ходе этих поисков обнаруживаешь столько нового, интересного и, что самое главное, неожиданного. Даже если не можешь ответить на тот или иной вопрос, возникают многие другие вопросы, на которые ответить можно, так как необходимые материалы уже найдены. Конечно, бывают некоторые моменты раздражения, когда думаешь: «Почему я не могу найти ответ на этот вопрос?» Но богатство архивов настолько велико, что уже и тем, что есть, можно наслаждаться.

Насколько Ваши коллеги заинтересованы этой тематикой? Работаете ли Вы только в одиночку или иногда получается организовать исследовательскую группу? Проводятся ли в Америке такие же конференции, как последняя — в РАНХиГС?

Сотрудничество бывает, безусловно, бывает! Но что касается моего университета, там я один. Есть еще один социолог, русский еврей, который в конце 70-х годов уехал из СССР. Иногда он чи-

тает курс, посвященный современной социологии России, однако это не его специальность.

Что же касается конференций, то раз в год собирается наша большая ассоциация. Время от времени проводятся и менее масштабные конференции. Наш журнал *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* («Критика: исследования по российской и евразийской истории») тоже организовывает научные обсуждения русской тематики. ГУЛАГ, Холокост — такие темы поднимаются нередко. Недавно у нас прошла конференция, посвященная войне 1812 года. Ее материалы будут опубликованы в особом номере, который будет издан в течение ближайшего года.

Я живу на западе США, в Лас-Вегасе. Поблизости нет других крупных городов, и до ближайшего города, Лос-Анджелеса, 5 часов езды. Еще нужно собраться, чтобы поехать туда! Мне представляется, что на востоке, где специалистов больше и научные площадки лучше сосредоточены, жизнь кипит еще сильнее. Мы-то находимся в глубокой пустыне.

В университете Вы преподаете историю России?

Да, но также и европейскую историю в целом. Некоторые курсы посвящены именно России, а некоторые — Европе.

В докладе на конференции Вы отметили, что работаете над темой терпимости и притеснения по отношению к отдельным религиозным группам, однако при этом не рассматриваете, что происходит непосредственно в пределах группы. Но возникает вопрос: Вы подчеркиваете, что можно говорить о прогрессе свободы совести и веротерпимости после манифеста 1905 года, однако именно на этот период приходится гонение на группу монахов-имяславцев, инициированное Синодом при содействии других государственных структур. Не планируете ли Вы включить в Ваши исследования проблему толерантности внутри самой Православной церкви и других религиозных групп?

По сути, мой план именно таков. Я уже обсудил эту идею с некоторыми людьми здесь [на конференции в РАНХиГС. — Примеч.

ред.]. Насколько мне известно, не существует ни на русском, ни на английском языке общей истории религии в России за три или четыре столетия. Хотелось бы сейчас написать такую обобщающую работу — и думаю, что такие моменты могут быть включены в подобное исследование. Но я не знаю, до какой степени это возможно, учитывая хронологические рамки проекта.

Мне кажется, что, действительно, необходимо сочетать анализ опыта православия с исследованием других исповеданий. Пример, о котором Вы говорите, — это хороший пример. Интересны подобные моменты, которые происходят на фоне провозглашения свободы совести. В своей книге[2] я прихожу к выводу, что существовали огромные противоречия в религиозной политике, которые так и не были сняты манифестом. Частично это связано с тем, что хотя провозглашение свободы совести состоялось, оно не было осуществлено в законодательном порядке: не получилось. Поэтому вопрос не был решен.

Возвращаясь к тематике Вашего доклада, хотелось бы спросить: по Вашему мнению, славянофилы выступали за этническую часть идентичности православия или же за доктринальную?

Это хороший вопрос и хороший пример того, как трудно было в ту эпоху разделить этнический и вероучительный аспекты религии. Но для меня особенно интересным и удивительным оказался тот факт, что некоторые славянофилы играли достаточно важную роль в развитии дискурса о свободе совести — это обнаружилось при ближайшем рассмотрении. Однако они, разумеется, подходили к этому вопросу не с точки зрения иностранных исповеданий, а с точки зрения Православной церкви. Славянофилы считали, что церковь находится в некотором подчинении государству и что свобода совести — это рычаг, инструмент для освобождения самой церкви от государственного попечения. Тем самым они способствовали распространению этого понятия в обществе. Когда же тема свободы совести стала широко обсуждаться, уже нельзя было сказать, что она относится только к православию.

Католики и — еще больше — лютеране много говорили об этом понятии в 60-е годы. Они старались найти способ, благодаря ко-

2. Werth, Paul W. (2014) *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford University Press.

торому те латыши и эстонцы, которые перешли в православие в 40-е годы, могли вернуться в свои исповедания[3]. В 60-е годы они вели активную кампанию за право возвращения и очень часто говорили о свободе совести. Я не знаю, что зависело от чего: немцы писали об этом, а славянофилы говорили, или же наоборот. Мне кажется, что там был некий общий дух. И стоило понятию возникнуть, как обе группы начали приспосабливать его к своим делам. Так, именно в 60-е годы, во время реформ, проблема свободы совести стала очень актуальной. В моей последней книге есть целая глава, где говорится о попытках проведения реформы церковных дел, в том числе и православных, и о том, как мало было сделано на самом деле.

Получается удивительная ситуация, когда философия единым фронтом разрабатывает единую мысль, но разные группы используют ее в разных целях и при помощи разных методов.

Можно сказать и так, да.

В своем докладе Вы отметили возрастание индивидуальности и сознательности в вопросах религии и атеизма в конце XIX — начале XX века. Оказывала ли русская философия и литература этого периода реальное влияние на религиозную ситуацию среди подданных и на политику власти, или же, наоборот, она была вторичным признаком общественных и политических изменений?

Имело место сложное взаимодействие, так что мы можем говорить и о том, и о другом. Я помню один интересный момент, когда некий чиновник на местном уровне в Минской губернии писал, что понятие свободы совести в какой-то момент распространилось даже среди крестьян его деревни. Это говорит о том, что данный философский дискурс был достаточно важен. Но я полагаю, что распространение философских идей на таком уровне было редкостью. Однако если мы будем говорить о государствен-

3. В XIX веке в Российской империи существовал законодательный запрет на «отпадение» от Православной церкви и переход в другие христианские конфессии.

ных деятелях, то дискурс о свободе совести имел достаточно большое значение.

Например, я могу указать на такого правоведа, как Михаил Рейснер, который был автором советско-большевистского указа об отделении церкви от государства 1918 года. Он написал ряд статей в начале XX века, издал сборник «Государство и верующая личность» в 1905 году. Если работать с материалами МВД и Департамента духовных дел, можно обнаружить, что когда Департамент приступал к подготовке законопроектов для осуществления свободы совести, работы Рейснера находились в архивных файлах — так же как и другие политические и философские сочинения. И становится видно, что перед чиновниками стояла четкая задача осуществить свободу совести. Но как это сделать? Что вообще означает это понятие?

Чиновники обращались к той литературе, которая была написана в последние несколько лет перед революцией 1905 года, и совершенно очевидно, как именно эти тексты оказали влияние на политический процесс. Но этим я не хочу сказать, что власть воспринимала идеи мыслителей некритически. Чиновники говорили: «Свобода совести — это так-то и так-то, но мы не можем сейчас сделать так в России, потому что...», — и затем приводился в пример тот же американский опыт. Они понимали, что даже в Америке — в стране, в которой свобода совести развита больше всего, — присутствуют определенные ограничения. Поэтому ограничения в России, по их мнению, были также уместны.

Какое место в Ваших исследованиях занимает тема современности, о которой Вы говорили в начале доклада?

Я добавил рассмотрение темы современности к своему выступлению, учитывая общую концепцию конференции, но нельзя сказать, что я занимаюсь этим. Но этот новый проект, если я буду им заниматься, заставит меня поближе познакомиться с современной ситуацией. Я готов это сделать и думаю, что это будет очень интересно — точно так же, как это было с Волжским регионом. Тогда у меня возникали вопросы, касавшиеся других частей империи, а сейчас — в том числе в дискуссиях на конференции — поднимаются вопросы, которые затрагивают историю дальнейшего развития процессов, начавшихся в царской России. Если вначале проект расширялся только географически, то те-

перь хочется раздвинуть и хронологические рамки, в том числе и немного назад — скажем, до второй половины XVII века. Мне кажется, что это было бы очень интересно. Особенно важным представляется время после присоединения Киева в середине столетия. На мой взгляд, это был ключевой момент в развитии самого православия.

Не планируете ли Вы расширение не только географическое и хронологическое, но и тематическое? В Ваших последних выступлениях и статьях появляются элементы политической философии и социальной теории. Можно было бы, например, с опорой на тезис Вашего доклада о том, что в Российской империи толерантность проявлялась как практический, а не идеологический инструмент, рассмотреть перспективные концепции толерантности, исходя из ее практической составляющей. Мне кажется, что это было бы актуально в свете современных дискуссий о сущности либеральной демократии, о том, основывается ли она на каких-либо универсальных разумных принципах, как это видел Хабермас, или же она представляет собой набор конкретных институциональных практик. Не думаете ли Вы выйти на философию?

Я полагаю, что как раз такие вопросы входили бы в этот большой проект. Если я этим займусь — я пока еще не совсем уверен, — то, как мне кажется, я двигаюсь именно в эту сторону. Именно такие вопросы, на мой взгляд, будут важными и актуальными для этого проекта. И действительно, хотелось бы думать об этом больше. Вот почему очень интересно принимать участие в такой конференции — потому что это заставляет меня думать немножко по-другому об этом предмете: может быть, более социологически или более философски, а не чисто исторически, как это получилось с последней книгой. Так что я думаю, что Ваша идея — хороший совет!

Каким образом можно удержать грань между религиозной индифферентностью и свободой? Решение этой проблемы лежит в большей степени

на плечах государственной власти или же основные усилия должны прилагать религиозные институты? Кто должен играть главную роль?

Это очень хороший вопрос, и я затрудняюсь на него ответить. Отчасти потому, что, как мне кажется, в данном случае уже существуют все условия для религиозной индифферентности — по крайней мере в западном обществе. И поэтому я не уверен, что эту тенденцию можно как-то изменить. Более того, многие считают, что ее нежелательно изменять, и, скорее всего, я бы присоединился к этому мнению. Какой-то другой вариант осуществления свободы совести просто нереален в нынешних условиях.

Иногда у меня возникает ощущение, что религия во многом помогает человеку справиться с трудными моментами жизни; я понимаю, что это, возможно, очень простой взгляд. Сейчас мы, пожалуй, живем относительно благополучно. Я не хочу преувеличивать, конечно, и говорить о тех, кто в вашем и нашем обществах живет не столь хорошо, но средний уровень жизни достаточно высок. И время от времени мне представляется, что для настоящего возрождения религии потребовалась бы своего рода катастрофа. Например, климат сейчас явно меняется. Это медленный процесс, и нельзя указать ни на какой конкретный момент, но если произойдут какие-либо катастрофы, которые затронут производство еды или что-нибудь связанное с ним, — интересно, какие будут последствия для религиозных настроений? Я не знаю.

Все-таки вопрос о соотношении индифферентности и свободы — очень и очень сложный. На мой взгляд, есть основание думать, что одно является предпосылкой другого. Если признаться, я не знаю, что такое «полная религиозная свобода». Но относительная, более полная религиозная свобода предполагает господство индифферентности в обществе.

Чтобы сделать выбор, нужно освободиться от ангажированности какой-то конкретной религией?

Да. Религия может влиять на формы общественного устройства, и тогда возможно такое состояние общества, когда многое зависит от религиозных взглядов — например, правовое или социальное положение разных граждан. В таких условиях гораздо сложнее осуществить религиозную свободу именно потому, что с религией связано слишком многое.

В истории Российской империи были такие моменты, когда чиновники, может быть, и хотели — трудно сказать, до какой степени это было лицемерием, — расширить религиозную свободу. Но административный порядок, институциональный порядок государства на тот момент не позволял осуществить такой проект. Поэтому свобода возможна только, когда религия уже не связана с этими институтами — например, с институтом брака. Правительство явно не желало вводить гражданский брак, потому как это было нарушением ценностей той эпохи, это было недопустимо с моральной точки зрения. Но с другой стороны, это был и практический вопрос. Кто узаконит брак, если не священнослужитель? По каким правилам? Как это сделать? Надо понимать, что мы говорим о государстве, которое еле-еле справлялось с теми задачами, которые уже стояли перед ним, и не хотело брать на себя дополнительную ответственность. Существовал институт религиозного брака — православного, мусульманского, католического... Государству было легче оставить этот институт. Оно не было способно быстро разработать и предложить светскую альтернативу.

Можно вспомнить проблему метрических книг, записей о рождении и смерти. Много раз говорили о необходимости введения гражданской метрикации. В связи с возникновением дискурса о свободе совести эта проблема стояла особенно остро. Но кто бы стал заниматься метрикацией? И чиновники понимают, что духовенство уже выполняет эту функцию — и притом совершенно бесплатно! Это его обязанность. Да, оно иногда выполняет эту функцию плохо. Да, существует множество проблем с написанием одного и того же имени разными азбуками — например, у евреев и мусульман. Однако полиция не может заниматься таким делом, потому что необходимо учесть каждого человека в Российской империи — а их 125 миллионов. Государство не в состоянии делать это.

Религия в таких условиях приобретает другое значение. И религиозная свобода, соответственно, обуславливается этими факторами. А когда вера отделяется от навязанных ей функций — тогда она становится как бы закрытым ящиком: «Вот это — Воскресение. Это не касается образования, не касается брака, не касается того, другого, третьего...». Тогда — пожалуйста! — полная свобода. А в России, как я думаю, православие пока еще тесно связано, например, с понятием о русском народе. Поэтому в этих условиях гораздо труднее относиться безразлично, скажем, к миссио-

нерской деятельности протестантских групп: она рассматривается как посягательство на русский народ, и многие не хотят этого допускать.

В таком случае, современной России не хватает именно индифферентности?

Возможно, это прозвучит грубо, но я бы сказал, что если религиозные взгляды людей будут иметь значение для современного общества и учитываться при решении общественных вопросов, то в связи с этим будет уменьшаться и уровень религиозной свободы. И я не могу решить: что лучше? Должна ли религия занимать меньше места в социальной структуре — или наоборот? Скорее, эти вопросы каждое общество должно коллективно решить для себя. Если у меня и есть личный взгляд, это не означает, что другие должны соглашаться со мной.

Странно, что за этим столом ни разу не прозвучало слово «секуляризация». Справедливо ли утверждение, что России стоит довести процесс секуляризации до конца?

Я не хотел бы брать на себя ответственность и решать этот вопрос для России. Я изучаю Россию, я сочувствую России. Но мне трудно решить что-либо и сказать: «Вы должны сделать так!»

Я склонен говорить: «Это — открытый вопрос для вас».

Беседовали Александр Батищев и Илья Павлов